

Притяжение тел

The background of the cover is a dark, textured blue. In the center, there is a framed rectangular area. Inside this frame, two hands are shown in a firm grip. The hand on the left is a pale, almost white, ethereal or spectral hand. The hand on the right is a realistic, tanned human hand. Concentric, glowing blue ripples emanate from the point of contact between the two hands, creating a sense of energy or a psychic connection. The overall mood is mysterious and supernatural.

Adi Riel

Adi Riel

Притяжение тел

<https://litres.ru/74341588>

SelfPub; 2026

Аннотация

Саня думал, что оставил это позади — изнанку сна, друга, которого не смог удержать, страх перед порогом, за который поклялся больше не заходить.

Но в его жизнь возвращается Юна — а вместе с ней и то самое притяжение, странная, невозможная близость, которая существует только по ту сторону яви. Вдвоём они начинают вытаскивать из Изнанки чужие застрявшие души — людей, зависших между телом и чем-то куда большим, древним и не всегда равнодушным к тем, кто рядом.

Содержание

Притяжения тел.	4
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Adi Riel

Притяжение тел

Притяжения тел.

Это случилось через несколько лет после того, как не стало Лёши — того самого, кто когда-то первым показал Сане, что у сна есть изнанка, настоящая, с собственным весом и собственными законами. Тогда, вытаскивая его оттуда, Саня узнал многое: что тело никогда не перестаёт тянуть человека назад, даже когда сознание давно ушло слишком далеко; что есть те, кто застревает на границе — ещё живые, но с оборванной нитью обратно к себе, Юна называла их Шатунами; и что само это место не прощает, если войти в него без должного уважения.

С тех пор он не забыл ни одного из этих уроков. Но какое-то время предпочитал жить так, будто их не было.

* * *

После того как его не стало, Саня какое-то время вообще не ходил в Изнанку.

Не решал специально — просто перестал. Вернулся из Германии в Беларусь, без особого плана — здесь было легче объяснить себе, зачем встаёшь по утрам. Устроился на приличную работу — администратор, потом старший адми-

нистратор. Всё шло ровно, предсказуемо — и почему-то не приносило облегчения, на которое он рассчитывал.

Бегал по утрам без прежнего чувства, что бег куда-то ведёт. Кастанеда стоял на полке корешком наружу — брал в руки, открывал наугад, закрывал: там, за страницей, было только то, что искать не хотелось, — собственная ночь у порога и лицо, произносящее «помню почему, не чувствую почему».

Он жил, как живут люди, которые ждут, что жизнь сама подскажет, зачем продолжать. Не подсказывала.

* * *

Про Юну он думал редко, но упрямо. Не как вспоминают о человеке, а как ощущают занозу — не всегда, но стабильно, в определённые моменты, когда что-то задевает.

Слышал краем уха — от кого-то, кто слышал от кого-то ещё, — что она так и не защитилась, что взяла академический, потом ещё один, что где-то подрабатывает то ли в клинике, то ли просто консультирует людей за деньги в чёрную, потому что дипломная психология давно перестала быть для неё главным инструментом. Она осталась в том же городе, где училась, — том же, куда вернулся и он, — но узнать об этом напрямую было неоткуда: слишком разные круги, слишком легко потерять друг друга даже на соседних улицах. Никто толком не знал подробностей. Слухи о ней были такие же расплывчатые, как её собственные слова три года назад: время здесь форму не держит.

Он представлял её то постаревшей, то нет, то замужем, то нет — и каждый раз ловил себя на том, что представляет не человека, а функцию, ту, что однажды показала ему, как искать точку входа. Это раздражало его больше, чем сама мысль о ней.

* * *

Юна о нём тоже думала — хотя признаваться себе в этом не любила.

Эти годы дались ей тяжелее, чем она бы рассказала кому-то в подробностях. Она уходила в Изнанку чаще, чем следовало, — не в поисках кого-то, а потому что там было проще, чем в жизни, где нужно было работать, платить за комнату, находить слова для людей, которые не понимали и половины того, что она видела.

Несколько раз замечала за собой то самое — притяжение к явной жизни, слабеющее так медленно, что не сразу пугаешься. Однажды провела там, по ощущениям, около суток подряд — а вернувшись, обнаружила, что в яви прошло почти трое, и тело, оставленное без присмотра, было слабым, едва держащим сознание. Испугалась не Изнанки — того, с какой лёгкостью можно перестать возвращаться.

С тех пор держала себя строже: будильники, еда по расписанию, даже когда не хотелось. Одна, без того, кто сидел бы рядом и следил за дыханием.

Про то, что какой-то Саня ищет её контакты, она узнала за неделю до того, как он вышел на связь во сне. Раздумы-

вала, отвечать ли. Не потому что не хотела его видеть — а потому что боялась того, что почувствует, если он окажется прежним. Или если не окажется.

Когда он появился той ночью в Изнанке, она удивилась не ему, а тому, с какой скоростью самой ей стало легче — будто часть её, давно уставшая держать равновесие в одиночку, наконец-то могла выдохнуть.

Согласие на встречу в кафе она дала не раздумывая. Но, идя туда, уже знала — почти наверняка знала — что получится неловко. Слишком много она забыла, как разговаривать в обычном мире голосом, а не тем, другим способом, который не нуждался в словах.

Она оказалась права. Но, в отличие от Сани, не расстроилась так сильно, как могла бы. Просто подумала: значит, ещё не время.

* * *

Решение вернуться в Изнанку далось не сразу и не как решение вообще — скорее как то, что накапливается месяцами и однажды просто случается само, без торжественного момента.

Он лежал ночью, не мог уснуть обычным сном, и вдруг понял, что перестал сопротивляться границе — та самая настоятельность, что удерживала его столько времени, вдруг отпустила, как отпускает мышца, которую слишком долго держали в напряжении.

Переход дался труднее, чем он ожидал. В первую секун-

ду, когда граница подалась, накатило старое — то самое чувство, с каким он когда-то стоял здесь, трясущийся, отбиваясь от существа у порога. Что-то внутри сжалось, и на миг он чуть не отступил обратно — в тело, в темноту спальни, в безопасность. Но тут же, почти одновременно, пришло другое: не страх перед местом. Страх перед тем, что он снова здесь один, без того, ради кого когда-то научился сюда возвращаться. Это чувство было старше и глубже, и оно перевесило.

Он не искал никого конкретно. Просто плыл — так, как учился, намерением, а не движением, — и вспомнил вдруг ту тяжесть у порога, где нашёл когда-то Юну, и подумал о ней не как о цели, а мельком, вскользь — и оказался рядом с тем самым местом, будто мысль здесь работала не хуже направления.

Она была там же. Не в буквальном смысле — три года прошло, — но в том же роде места, узнаваемом по ощущению, как узнаётся знакомая улица даже в темноте.

Она сидела так же, немного в стороне, с тем же выражением человека, который давно привык не привлекать внимания.

Он почувствовал её раньше, чем увидел, — и она, кажется, тоже почувствовала его: обернулась ещё до того, как он приблизился, будто знала заранее.

Не было ни удивления, ни вопросов о том, где он пропадал — только тепло, которое не нуждалось в объяснении, узна-

вание без единого слова. Он сел рядом с ней, и молчание между ними было тем самым, что бывает у людей, которым нечего друг другу доказывать.

— Я скучал, — сказал он наконец, и слова прозвучали неуклюже рядом с тем, что уже было сказано без них.

Она улыбнулась — не губами даже, а чем-то более глубоким, что здесь читалось яснее любой мимики.

— Знаю, — сказала она просто.

Помолчали ещё.

— Давай встретимся, — сказал он. — Там. У себя.

Она посмотрела на него — без сомнения на этот раз, скорее с любопытством, смешанным с чем-то похожим на нежность.

— Давай, — сказала она.

* * *

Кафе на углу, три часа дня, суббота — он назначил место и время сам, и весь путь туда чувствовал странное, почти детское волнение, будто шёл не на встречу со знакомым человеком, а на экзамен, к которому не готовился.

Она вошла — и в первую секунду он не узнал её. Не потому что она изменилась внешне, хотя изменилась тоже — короче стриженная, в куртке не по погоде, — а потому что перед ним стоял кто-то другой, не та, с кем он час назад молчал в тепле, не обменявшись ни единым словом. Здесь у неё было обычное лицо. Настороженное, немного усталое, лицо человека, который пришёл на встречу с кем-то малознако-

мым и уже жалеет об этом.

— Привет, — сказала она, садясь напротив.

— Привет, — сказал он.

Дальше пошло тяжело. Он спросил про учёбу — она ответила коротко, без развития, что-то про академ и что не уверена, вернётся ли. Она спросила про работу — он сказал в двух словах, ничего интересного, обычная рутина. Между фразами повисали паузы, вязкие, всё разрастающиеся, и в какой-то момент он поймал себя на мысли, что старается вспомнить, зачем вообще позвал её — не в смысле цели, а в смысле того чувства, которое привело его сюда, и не мог его нащупать в этом свете, за этим столиком, глядя на этого малознакомого человека с усталым лицом.

Она тоже, кажется, ощущала то же самое — то и дело смотрела в окно, отвечала чуть невпопад, будто присутствовала здесь только частично.

— Ну, — сказала она примерно через полчаса, — было приятно.

— Взаимно, — сказал он, и оба знали, что это неправда, и оба почувствовали неловкость этой лжи острее, чем саму встречу.

Она ушла первой, коротко попрощавшись, не оборачиваясь. Он остался за столиком ещё на несколько минут, глядя в остывающий чай, и чувствовал себя обманутым — не ею, а каким-то законом этого мира, который позволял двоим быть настолько родными в одном месте и настолько чужими

в другом, будто это были два разных вещества, которые отказывались смешиваться.

Он лёг спать рано, всё ещё раздражённый на себя, на неё, на то, как вышло, и говорил себе, что пробовать снова не станет.

Но уснул он быстро — и, засыпая, поймал себя на том, что уже ищет её, ещё до того, как сон окончательно взял верх.

* * *

Граница поддалась легче, чем он ожидал — будто тело само торопилось туда, где недавно было хорошо.

Она уже была там, и в этот раз он не удивился тому, как сразу всё встало на место — тепло, узнавание, то самое чувство, что здесь, а не там, за столиком с остывшим чаем, была настоящая встреча.

— Ты чувствовал то же самое? — спросил он, не уточняя. Она поняла.

— Да, — сказала она. — Там мы никакие. Здесь — вот это.

— Не понимаю, как это работает.

— Никто не понимает, — она пожала плечами, привычным движением человека, давно переставшего искать объяснения там, где их нет. — Может, дело в том, что там мы разговариваем ртом. А здесь — не приходится врать даже случайно.

Он рассмеялся — коротко, но искренне, впервые с той субботы.

Они пошли рядом — не сговариваясь о направлении, просто оба чувствовали, куда. Саня отметил про себя, что даже не пытается спросить, куда они идут: знание было общим, будто он не узнавал дорогу, а вспоминал её.

* * *

Человека они нашли не потому, что искали, — просто оказались рядом в тот момент, когда его застигло. Он был прижат к границе, ещё не Шатун, но близко — застревание, знакомое Сане по себе, только теперь чужое.

Юна держала его вниманием, ровным, не дающим потерять край. Саня нашёл нить и потянул — человек дёрнулся рефлекторно и через несколько минут ушёл в свою точку входа, не заметив их, не поняв, что случилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.